НЕОФИГУРАТИВ

Хотя термин фигуративное искусство появился сравнительно недавно, фактически оно существовало с древнейших времен – наскальных рисунков и каменных идолов.

XX век стал периодом истинного расцвета фигуративного искусства. Художественные стили и философские идеи не сменяли друг друга, как прежде, вовлекая в свою орбиту всё художественное сообщество, а во множестве совершенно гармонично существовали одновременно. Изменилась роль личности в искусстве. На примере художников, уже ставших частью истории, мы видим наличие яркой творческой индивидуальности, неповторимого стиля и собственного мировоззрения.

Поиск новых форм и идей заставил иначе посмотреть на искусство, прежде, с позиций академических традиций, считавшееся второсортным. Стали доступны художественные традиции многих малых народов. Искусство напоминало бурлящий котел, в котором все кипело, перемешивалось, в результате и появлялись Личности.

Сейчас фигуративное искусство переживает глубочайший кризис, многие пессимисты уже давно утверждают, что оно себя исчерпало. Другая же ветвь искусства - абстрактное, актуальное и т.д. не обладает тем потенциалом, который способен полностью заменить фигуративное искусство.

Каждому человеку знакомы минуты, когда он находится наедине с собой, с совестью, а значит - с Богом. И сложно представить, что большинство тем, привлекающих художников в актуальном искусстве, относятся к этой категории мыслей. Многие из них действительно актуальны, а значит сиюминутны. Даже очень талантливая публицистика не способна заменить серьезной глубокой литературы.

Фигуративное искусство, центром которого является человек, позволяет зрителю не только ощущать сопричастность увиденному, но и быть соавтором, так как нет категоричности в трактовке темы (в лучших своих образцах, разумеется). В актуальном искусстве подробное описание того, что хотел изобразить художник, является общепринятой нормой. Это можно назвать искусством «на доверии», так как теоретически истинный смысл данной работы может быть прямо противоположным, и никто кроме автора, этого узнать не сможет.

Неофигуратив же, сохранив главные достоинства фигуративного искусства, не только придает новый импульс развитию, позволив многим художникам найти свой стиль, но и дает возможность обрести или укрепить нравственные и религиозные основы, в нем заложенные, что более важно для личности.

Неофигуратив – это не стиль и не направление, это целый мир, появившийся до сотворения первого человека, связанный с ним. Дающий пищу, одежду и кров, обогревающий и врачующий, мир, который называют легкими нашей планеты.

Растительный мир – бесконечный в своем многообразии и красоте, никогда не повторяющийся и постоянно обновляющийся. По своему потенциалу не только не уступающий, но, возможно, и превосходящий человека как объекта изображения. Но неофигуратив не противопоставляет себя фигуративному искусству, а обогащает его.

«О сколько их на полях!
Но каждый цветет по-своему,
В этом высший подвиг цветка».
Басё

СХОДСТВО
Своей удивительной красотой форм растительный мир не раз привлекал художников, но все они не видели главного – почти мистической связи с человеком. В формах растительного мира, тех же листьях, не только изначально заложена анатомия человека, которую способен увидеть даже человек, не являющийся художником, но и пластика человека, естественные для него позы, динамика движений, соотношение форм, удлиненные безукоризненные пропорции.

Во многих формах тех же листьев легко угадывается мужское и женское начало. Своя неповторимая и разнообразная трактовка одежды и складок на ней, от графичного до объемного изображения. В выборе композиции художник ничем не ограничен – стоящие, лежащие, сидящие фигуры, парные и групповые композиции, часто встречается тема материнства. Таинственны и непостижимы все творения Создателя, во всем его незримое присутствие. Стоит только набраться терпения, чтобы попытаться хоть немного приоткрыть для себя эти таинственные покровы. Слишком много связей растительного мира и мира людей.

При всем своем разнообразии растительный мир един в своей основе. Каждое растение, по сути, повторяет жизненный путь человека: рождение, зрелость, старость, физическая смерть, прах, рождение новой жизни. У растений, как и у людей, случаются эпидемии и болезни, нарушающие закономерный жизненный порядок, уносящие целые селения. То же самое происходит и с листьями, когда они сплетаются вместе, большие и маленькие, в едином устремлении вверх – это прощание с землей.

Я верю, что существует какая-то связь между судьбой человека и опавшими свернутыми листьями, словно это некая летопись жизни. И с годами вера в

это становится все крепче. Из десяти вишен возле дома, где я жил, на одной из них с завидной постоянностью появлялись сплетенные листья, обозначающие мужчину и женщину, – вечный мотив двоих. Несколько лет я наблюдал за этим, и всё повторялось. Надеюсь, что придет время, и эта мистическая связь будет объяснена. Но увидеть ее уже сейчас может каждый. И наконец, в неофигуративе есть классическое отношение к понятию красоты и гармонии, поэтому никаких эстетических противоречий с фигуративным искусством не существует.

«Ребенок сказал: «Что такое трава?»
И принес мне полные горсти травы.
А может быть, это иероглиф, вечно один и тот же».
Уолт Уитмен, «Листья травы»

РАЗЛИЧИЯ

Первое и принципиальное различие между фигуративным искусством и неофигуративом заключается в следующем. Художник, в фигуративном искусстве изображающий человека, – совершенную форму, созданную Творцом, в желании найти свою неповторимую творческую манеру встает перед выбором.

Он не может изображать человека так, как это делали художники прошлых столетий. Значит, остается создать что-то более совершенное? Но создать своего «идеального героя» - задача очень сложная, и художник неминуемо в конечном счете попадет под влияние Великих, творивших в XX веке.

Остается единственный и самый простой путь – борьба с этой совершенной формой, путем ее изменения с помощью деформаций. И здесь выбор не велик: или карикатура, или паталогическое уродство. Художники, выбравшие этот путь, либо вынуждены отказываться от многих тем, так как связь между внешней формой и внутренним содержанием естественна, либо должны намеренно кощунствовать в стремлении привлечь к себе внимание.

Развитие движения в неофигуративе идет от одной совершенной формы - природной (назовем ее абстрактной), к другой совершенной форме – человеку. На этом бесконечно длинном пути художник имеет возможность остановиться там, где пожелает. Он может, сохраняя особенности листа или соцветия, приблизиться к классической трактовке фигуры человека или остановиться на изображении символа, знака. Это безопасный путь – словно широкая лесная дорога, от которой ответвляются множество тропинок. Художник же в фигуративном искусстве на свой страх и риск вынужден прокладывать свою собственную тропу, рискуя заблудиться.

Когда в Ветхом Завете мы читаем описание Рая, то видим, что животный мир жил в дружбе и любви. В нем не было закона взаимопожирания. Первородный грех наложил свой отпечаток и на него.

Растительный мир – единственный сохранившийся в своей девственной, возвышенной чистоте. В нем нет ничего пошлого, агрессивного, банального, суетного. Нет порока, его можно только привнести искусственно извне, тем самым разрушив эту форму изнутри. Это очень важно именно в наше время, где в искусстве нет никаких нравственных и этических ограничений, где искусство глубоко атеистично.

Современному искусству позволено все, и для многих оно является своеобразной индульгенцией от уголовного и гражданского преследования. Актуальное искусство не трогает. Художники добровольно оборвали главную нить, связывающую искусство и зрителя. Если вдруг представить, что человечество утратило потребность в этом, то все виды искусств перестали бы существовать. И первой исчезла бы музыка – самый абстрактный вид искусства.

«Настоящая поэзия – ничего не говорит,
Она только указывает возможности.
Открывает все двери.
Ты можешь пройти через любую, которая подходит тебе».
Джим Моррисон

ОСОБЕННОСТИ

Если художник решит во всем следовать законам построения взятой формы, то это скорее иллюзия объема. По закону если что-то исчезает, на этом месте появляется нечто другое. В этом случае скульптура обогащается такими качествами, как легкость, воздушность, устремленность вверх. Иллюзия объема создает новые объемы, по которым свободно путешествует воздух, нигде не задерживаясь. Впрочем, в зависимости от задач, художник может сохранить и традиционный подход к трактовке объема.

В неофигуративе часто можно увидеть огромное разнообразие прекрасных крылатых существ, их называют по-разному – ангелы, дэвы, амешаспенты, сандальфоны. Беря за основу эти формы, мы избегаем искушения слишком очеловечить эти образы, приземляя их, тем самым лишая их величия и таинственности.

При единстве законов, по которым формируется весь растительный мир, каждая форма (вид) индивидуальна. Это разнообразие легче представить, проводя аналогию с архитектурой. Все стили, которые существовали в ней, мы видим в формах растительного мира. Благодаря этому разнообразию форм на базе неофигуратива смогут появляться не только новые стили. Художники

имеют возможность переосмыслить с позиций сегодняшнего дня стили, ставшие уже частью истории, так как формально в листьях легко угадываются и символизм и модерн, и барокко, и классицизм.

Следует заметить, что не каждый художник сможет заниматься неофигуративом. Поверьте на слово человеку, получившему серьезное базовое образование и прежде имевшему отношение к фигуративному искусству.

Мы часто видим, что можно создать работу среднего уровня исключительно за счет ремесла – знаний, навыков и сформировавшегося вкуса. В неофигуративе с самого начала (поиска формы) и до завершения работы вы занимаетесь творчеством в чистом виде. Из миллионов листьев вы выбираете один, в нем надо увидеть образ и скрытый смысл. Крайне редко лист идентичен сделанной вами работе. В основном это или большая пластическая идея, заложенная в нем, или даже некий фрагмент, вокруг которого формируется образ. Все остальное – творчество, построенное на сегодняшнем знании законов данного вида.

Если проводить аналогию с музыкой, то ближе всего этот процесс к джазовой импровизации. Если же говорить о знании данной формы, это больше всего напоминает археологию, когда по нескольким фрагментам керамики, ученые могут установить не только форму сосуда, но и его размер и предназначение.

Одной из важных особенностей неофигуратива является возможность заниматься им огромному исламскому миру, так как большая шкала возможных условностей в неофигуративе позволяет, не нарушая религиозных законов, реализовать свой внутренний мир. Ведь основным достоинством искусства является возможность объединять людей, тем более, что внутренние нравственные принципы, заложенные в растительном мире, ближе народам, не испорченным современным искусством с его вседозволенностью.

Религиозно-нравственная составляющая является главной объединяющей основой неофигуратива. В принципе любая тема может быть глубоко духовной, впрочем, как и любую тему легко опошлить. Все зависит от внутреннего мира. По сути, художники делятся на два лагеря верующих и атеистов, вне зависимости от стилей и направлений в искусстве. А от атеиста до воинствующего атеиста один шаг.

У Бориса Гребенщикова есть очень точные строки, раскрывающие творческий процесс: «Моя работа проста, я смотрю на свет, ко мне приходит мотив, я подбираю слова».

ЛИЧНОЕ

Долгих семь лет на моем сайте было размещено обращение к художникам, начинающееся фразой: «Дорогие собратья…» Я наивно надеялся на то, что можно привлечь внимание молодых, ищущих свой путь художников к миру, который волею судеб был мне показан, без каких либо особых усилий, без громких заявлений, тихо оставаясь в тени.

Это было глубоким заблуждением. В мире, где ежедневно на человека обрушивается лавина информации, где скандал и провокация стали неотъемлемой частью творческого процесса, надеяться, что твой шепот будет услышан, по меньшей мере наивно. Я призывал не судить о богатстве и совершенстве этого мира по моим работам. Справедливо считая, что это то же самое, как на примере первого встречного выносить вердикт всему человечеству.

Только чувство долга и ответственности заставляет меня пойти против своей природы и выступить со столь смелыми заявлениями. Это странное и необъяснимое чувство ответственности появилось не сразу, был период, когда я всерьез считал, что именно я открыл этот фантастический мир и он принадлежит мне по праву. Наверное, виной тому не только моя незрелость, но и это пьянящее чувство вдруг пришедшей абсолютной свободы, от всего что было, есть и будет в скульптуре. Свободы и уверенности от обретенного богатства.

Лишь со временем я понял, что ничего не открыл. Что этот мир мне даже не подарен, а лишь показан. Что собственное творчество, по сути, вторично. Что главная задача – чисто миссионерская, увидеть и прочувствовать растительный мир во всей его чистоте и передать это другим. Для меня этот путь оказался долгим и трудным, но было ощущение (ставшее со временем абсолютной уверенностью) что тебя ведут по жизни.

Я вряд ли пришел бы к этому самостоятельно. Человек по природе своей рационален и редко добровольно усложняет себе жизнь. К тому же он на редкость изобретателен и всегда находит логические объяснения или оправдания собственных слабостей. Я же как художник окружил себя частоколом ограничений, не очень понимая природу их появления, значение и смысл.

Это пришло как обычная мысль, принадлежащая мне, с той лишь разницей, что вместо свойственных мне сомнений, долгих размышлений и мучительного принятия решения пришедшая мысль сразу обрела форму закона, который я не имел права нарушить. Так я научился различать мысли, приходящие ко мне и идущие через меня. Как-то незаметно обычная фраза «не хочу» сменилась на «не имею права». Все это я пишу с единственной целью еще раз напомнить, что уникальность неофигуратива в том и

заключается, что внешние особенности и внутренний посыл – неразрывно связаны и представляют собой единое целое.

Гуманистическая направленность, стремление к свету, уважение к религии другого – вот основные принципы в неофируративе. Запрет же может быть только один – не растлевать человеческой души.

Хочу поделиться одним наблюдением, которое мне помогает. Часто художник при создании работы пытается поставить себя на место изображаемого героя, представить, что чувствует человек в ситуации, которую сам автор не переживал. При таком подходе работы нередко получаются фальшивыми.

Я иду принципиально другим путем, следуя не от темы, а от состояния. Причем состояние, которое я сам когда-то переживал, а любое состояние – это множество тем (например, грусть). При таком подходе вы почти наверняка избежите искусственности. Часто я меняю тему в конце работы, но ее суть остается неизменной.

Двадцать лет я изучаю формы растительного мира и хотя по-прежнему нахожусь на стадии ученичества, позволю себе дать несколько советов.

Найдите единомышленников, на начальном этапе это очень поможет в развитии.

Не гонитесь на первых порах за сложностью формы и необычностью композиции. На простой и ясной пластической форме полезней учиться. От простого к сложному, только так можно прийти к той абсолютной простоте – знаку, которая и является вершиной ремесла.

Познавая форму – познавайте себя. Постарайтесь как можно раньше определить, какие темы, с какими композиционными решениями вам ближе. И на этой основе подбирайте коллекцию.

На начальном этапе очень важно, чтобы форма, которую вы берете за основу, обладала четкой и ясной пластической идеей, так как увлечение деталями может увести от главного.

Со временем, приобретая знания, вы можете при создании скульптуры использовать несколько листьев одновременно.

Определившись, какая «порода» листьев вам наиболее близка, постарайтесь четко понять для себя, в чем заключается главная индивидуальность выбранной вами формы.

Не старайтесь во что бы то ни стало закончить работу, которая не складывается. Лучше отложить ее, начать новую. Со временем свежим взглядом вы увидите те ошибки, которые скрыты сейчас от вас.

Вот и пришло время прощаться.
Хочу пожелать вам радости познания себя и мира вас окружающего, в котором нет ничего случайного.

С искренним уважением,
Игорь ХРИСТОЛЮБОВ
Москва, 2011 год